

Шон и его мать Дженнифер сидели и возились со своими телефонами. Шон просматривал Facebook, а Дженнифер переписывалась с сестрой. Они сидели в гостиной/приемной психотерапевта Деборы Питерс на их обычной встрече в среду. Они начали посещать Дебору во время развода Дженнифер с ее теперь уже бывшим мужем пять лет назад. Шону было тринадцать лет, когда брак его родителей начал разваливаться. Когда он понял, что происходит, это повлияло на него больше, чем он хотел признать. Когда через год они развелись, он замкнулся в себе, почти не разговаривал и часто запирался в своей комнате на несколько часов, заглушая внешний мир громкой музыкой или видеоиграми. Дебору очень рекомендовали, и она смогла помочь и Шону, и Дженнифер, во время и особенно после окончательного развода.

Шон настолько ушел в себя, что Дженнифер была поражена тем, что Дебора смогла вывести ее 19-летнего сына из депрессии, в которую он впал. Шон снова вышел из своей скорлупы, и за годы, прошедшие после развода, они с матерью стали ближе. Но все еще оставались некоторые вещи, о которых он не решался ей рассказать, и тут на помощь пришла Дебора.

Дженнифер также была поражена тем, что Дебора смогла помочь ей почувствовать себя лучше из-за всего того дерьма, через которое она прошла со своим бывшим мужем. Первые одиннадцать с половиной лет их брака были прекрасными, но где-то в конце концов они отдалились друг от друга, и в последние пару лет они почти не разговаривали друг с другом и спали в разных комнатах. После 15 лет брака они подали на развод. Дженни смогла выплеснуть всю свою неудовлетворенность, разговаривая с Деборой.

Дверь в кабинет Деборы открылась, и она вышла. Шон и Дженнифер переглянулись.

"Извините за ожидание, - сказала она, - у меня был пациент на телефоне. Итак, кто сегодня первый?"

"Давай, милый". сказала Дженнифер, похлопав сына по ноге. "Мы с твоей тетей переписываемся, а ты знаешь, какая она, когда собирается".

Шон закатил глаза: "Да, когда тетя Пэтти начинает, ее трудно остановить".

Дебора провела Шона в свой кабинет. Раньше это был кабинет, но поскольку она решила работать дома, а не арендовать офисное помещение, она превратила его в свой офис. Дебора нравилась Шону не только тем, что он мог рассказать ей то, что не мог рассказать матери, но и тем, что она была сногшибательна. Она была старше его на 28 лет, но тело у нее было как у женщины на 10-15 лет моложе. При росте 5 футов 8 дюймов у нее было подтянутое спортивное телосложение, впечатляющая грудь 40DD (которую она с переменным успехом пыталась скрыть мешковатыми или свободными топами) и убийственные ноги. Шону никогда не нравились женщины постарше, особенно те, которые были достаточно стары, чтобы быть его матерью, но Дебора была исключением.

Он опустился на диван, когда Дебора уселась в кресло.

"Итак, что происходит, Шон?"

"Ничего особенного... вообще-то это чушь", - сказал он, - "Деб, ты ведь не рассказываешь моей маме о том, что происходит на наших сеансах?"

Дебора не возражала, чтобы ее пациенты называли ее Дебора, Дебби или Деб. Она хотела, чтобы они чувствовали, что разговаривают с другом, а не с терапевтом. Она хотела, чтобы они высказывали свои мысли, поэтому не возражала, если они ругались, кричали, плакали или просто изливали душу. Это также было одной из причин, по которой она работала у себя дома. Она полагала, что людям будет комфортнее в ее доме, а не в холодном, безликом офисе.

"Конечно, нет, - сказала Дебора, - то, что вы скажете, останется между нами, это все правило конфиденциальности между врачом и пациентом. Я не могу ничего рассказать вам, мама, если только не считаю, что это незаконно, или вы представляете опасность для себя или других. Ты знаешь, что можешь рассказать мне все".

"Что-то случилось пару недель назад, а мама не знает... по крайней мере, я не думаю, что она знает". сказал Шон, глядя в пол.

"Шон, что это?"

"Я видел маму голой", - наконец сказал он.

"И ты не уверен, знает ли она?" спросила Дебора.

Он кивнул: "Я вернулся домой от своего друга, и когда я поднимался наверх в свою комнату, я проходил мимо маминой комнаты. Она только что вышла из душа, и у нее не была до конца закрыта дверь в спальню. Проходя мимо, я заглянул в комнату, когда она снимала полотенце, чтобы вытереться, и я мог видеть все, ну почти все. Она стояла перед окном, и свет падал как раз вовремя, так что я видел ее только в профиль. Но этого было достаточно. Я мог видеть все ее изгибы, и..."

"Это возбудило тебя".

Шон кивнул: "Да, возбудило. Я имею в виду, я и раньше видел голых женщин, но это была моя мать. Возможно, она не закрыла дверь до конца, потому что была дома одна и не думала, что я скоро вернусь".

"Продолжай", - сказала Дебора, - "Что произошло дальше?".

Шон снял кроссовки и положил ноги на диван. Дебора не возражала, она поощряла своих пациентов устраиваться поудобнее, пока они с ней разговаривали. Некоторые люди действительно ложились, некоторые вытягивались, как Шон, некоторые подгибали ноги под

себя. Все, что позволяло им чувствовать себя комфортно.

"Она повернулась и пошла обратно в ванную, а я пробрался обратно вниз и сделал вид, что шумел и дал ей знать, что я дома. После этого я услышал, как закрылась дверь ее спальни". Шон сказал: "Я снова и снова воспроизводил этот момент в своей голове".

"И что ты чувствуешь по этому поводу?" спросила Дебора.

"Немного виноватым. Как я уже сказал, мама думала, что она одна, и уж точно не ожидала, что я буду подглядывать за ней. И она моя мать". Он наконец поднял глаза. "Я не должен так подглядывать за своей матерью, верно?"

"Ну, ты же не планировал это, верно?" Дебора сказала: "Это был несчастный случай. Ты не знал, что она выйдет из душа именно в этот момент".

"Ну, по крайней мере, не в тот раз". сказал Шон.

"В смысле?"

"Я пытался увидеть ее снова, и несколько раз". Шон сказал: "Я из кожи вон лез, чтобы услышать ее в душе. Я был полон решимости снова увидеть ее голой. Часть меня знала, что это неправильно, но часть меня хотела увидеть ее снова, часть меня, которая хотела увидеть ее, победила".

Он вздохнул и посмотрел на Дебору, она не осуждала его, он мог сказать это, просто взглянув на нее. Она терпеливо ждала, когда он расскажет ей продолжение истории.

"Первый раз был в прошлую субботу", - наконец сказал он, - "Я обычно сплю, но мне нужно было в туалет, поэтому я встал и пошел в ванную, и тогда я услышал, как работает душ в маминой ванной".

В спальне Дженнифер была пристроенная ванная комната, а в спальне Шона - нет, поэтому ему пришлось пользоваться туалетом в коридоре из своей комнаты. Из-за того, как был устроен верхний этаж, он мог видеть комнату матери из ванной в коридоре.

"Дверь снова была приоткрыта, и я услышал, как перекрыли воду. Я остался в ванной с выключенным светом и заглянул в ее комнату. Она снова вышла в спальню, чтобы обсохнуть. Я смог рассмотреть ее немного лучше, но из-за угла она постоянно уходила из поля моего зрения".

Шон поправил свое положение на диване, его член становился твердым, и он пытался подстроить его так, чтобы это не было заметно. Если Дебора и заметила, она ничего не сказала.

"Затем снова в прошлый вторник, - продолжал Шон, - снова дверь была приоткрыта, я подкрался и заглянул внутрь. В отличие от двух других случаев, когда она выходила из ванной без обернутого вокруг нее полотенца, в этот раз она сушила волосы. Я был заворожен видом ее тела. То есть я всегда знал, что у мамы красивое тело, я видел ее в купальнике, когда мы ходили на пляж или плавали в бассейне на заднем дворе, но это был цельный купальник, а не бикини. Это был первый действительно хороший вид на ее тело. У нее самая идеальная грудь, которую я когда-либо видел, и она не выглядит так, как будто родила меня все эти годы назад, она... о боже, не могу поверить, что я так говорю о своей матери".

Он снова переместился, пытаясь незаметно подправить свою растущую эрекцию.

"Но ее тело, оно просто идеально. Она остановилась перед зеркалом и потянулась, и я мог видеть все. Она как будто любовалась собой, она даже немного улыбалась, поворачиваясь то в одну сторону, то в другую, поворачиваясь во все стороны и глядя через плечо на свое отражение. Я видел ее со всех сторон, и я..."

Он не мог закончить, его член был полностью твердым, и на этот раз он никак не мог его отрегулировать, не будучи очевидным.

"У тебя эрекция?" спросила Дебора.

Шон кивнул. "Я ушел, пока она не увидела меня. То же самое повторилось в четверг. Она вышла с полотенцем, обернутым вокруг нее, потом сняла его, чтобы вытереться. Я заворожено смотрел, как колышутся ее груди, когда она двигается. Я смотрел на ее задницу, когда она наклонилась, чтобы вытереть ноги. Затем она сделала то же самое, что и во вторник. Любовалась собой в зеркале. Но потом..."

Ему снова пришлось поправить свой твердый член. И снова Дебора ничего не сказала, так как он явно подгонял себя.

"...затем, она начала... она начала трогать себя". Шон наконец сказал: "Она повернулась и посмотрела на себя сзади. Она потянулась сзади и схватила себя за задницу, сжала ее пару раз, а затем повернулась, пробежала руками вверх по телу, схватила свои груди и тоже сжала их. Затем она... она... она положила руки ей между ног и начала... Я не могу поверить, что говорю это. Она начала мастурбировать".

Он снова остановился, встал и подошел к мини-холодильнику, который Дебора держала в углу комнаты с различными прохладительными напитками для своих пациентов. Он взял содовую, сделал глоток, вернулся к кушетке и сел обратно.

"Я не мог поверить в то, что видел. Чем больше она трогала себя, тем больше возбуждалась, она начала стонать и охать, перемещая одну из своих рук обратно к сиськам... Я имею в виду ее грудь, и сжимала и щипала свой сосок. Я ничего не мог с этим поделать, и я..."

"Ты тоже начал мастурбировать?" спросила Дебора. Шон кивнул и сделал еще один глоток содовой.

"Я был возбужден так, как никогда в жизни, и это включая тот случай, когда я потерял девственность с Алисией Миллер в прошлом году". сказал он, имея в виду девушку, с которой он потерял девственность годом ранее, через несколько месяцев после своего 18-летия.

"Слыша, как мама стонет и охает, и наблюдая, как ее рука все быстрее и быстрее движется между ее ног, я просто перешел грань, а потом она... она... ну, вы понимаете..."

"Испытала оргазм". сказала Дебора, снова закончив мысль, которую Шону было трудно произнести самому.

"Да, она закричала, ее тело содрогнулось, и она рухнула на кровать. Она тяжело дышала и бормотала "О Боже" под нос. Я тихонько вернулся в свою комнату и кончил сам. Это был, наверное, самый сильный оргазм, который я когда-либо испытывала. Все, что я мог видеть в своем сознании, это обнаженное тело моей матери".

"Чувствовали ли вы вину за то, что наблюдали за ней?" спросила Дебора.

"В том-то и дело", - сказал Шон. "На этот раз я не чувствовал. Черт, я и во вторник не чувствовал себя виноватым. Первые два раза я чувствовал себя немного виноватым. Но в последние два - не очень. Я начал волноваться, что она меня поймает, так что после этого я перестал, но потом кое-что случилось в прошлое воскресенье".

Он сделал еще один глоток содовой, допив бутылку до конца, снова поправил эрекцию и глубоко вздохнул.

"Я проснулся около девяти, наверное, и у меня была утренняя сыпь. Я решил, что должен позаботиться об этом, так что с видениями мамы в голове я начал мастурбировать, и случилось то, чего боится каждый парень. Она вошла ко мне. Сначала я даже не понял этого, я был так увлечен фантазией, происходящей в моей голове, пока не услышал ее вздох. Я оглянулся, прикрылся и отвернулся от нее. Она отвернулась, извинилась и вышла из комнаты. Самое смешное, что у меня не пропала эрекция. На самом деле, я возбуждился еще больше, когда понял, что она только что впервые увидела мой член... то есть мой пенис. Я действительно смог кончить и испытал еще один довольно сильный оргазм. Я привел себя в порядок и через несколько минут спустился вниз. Мы оба вели себя так, будто ничего необычного не произошло, но я знал, что мне будет о чем поговорить сегодня".

"Если бы этого не случилось, твоя мать вошла к тебе, я имею в виду, ты бы рассказал мне о том, что подглядывал за ней?" спросила Дебора.

"Я не знаю", - ответил Шон. "Я бы хотел увидеть ее хотя бы еще раз, но последние пару дней ее дверь была закрыта. Может быть, если бы я поймал еще один взгляд".

"Вы сказали о "фантазии, которая крутилась в вашей голове", когда ваша мать вошла к вам. Что это была за фантазия?" спросила Дебора через мгновение, пережевывая все, что рассказал ей Шон.

Шон возился с пустой бутылкой, раздумывая, как много он хочет рассказать Деборе о фантазиях, которые у него были о матери.

"Шон, - сказала Дебора, - что за фантазии у тебя были?"

Шон глубоко вздохнул, на мгновение посмотрел в окно, затем снова на пустую бутылку. "Что я занимаюсь с ней сексом", - тихо сказал он.

"Может, расскажешь подробнее?"

Что ему действительно хотелось сделать, так это побежать в ванную и вытереть одну из них, но он только снова настроился на то, что не сможет заставить себя посмотреть на Дебору или сказать что-нибудь.

"Шон, я понимаю, что это может быть немного неловко, но ты ходишь сюда уже почти шесть лет. Ты рассказал мне много такого, чего не мог рассказать своей матери, а я никогда не говорила ей ничего из того, что ты мне рассказывал. Я не собираюсь начинать сейчас". Дебора сказала.

"Это не просто стыдно, - сказал Шон, - просто я не знаю, как рассказать об этом подробнее. Я имею в виду, тебе нужны конкретные детали? К тому же фантазия каждый раз немного меняется, это не как видео, где каждый раз воспроизводится одно и то же".

"Шон, я ничего не говорила раньше, но я заметила, что ты постоянно подстраиваешься". Дебора спросила, "Разговоры об этом тебя возбуждают?".

"Да", - сказал он, все еще не поднимая глаз. "На самом деле это очень неудобно".

"Похоже на то", - сказала Дебора, - "На самом деле похоже, что вам немного больно".

Он кивнул, сейчас у него был худший случай синих яиц.

"Ну тогда давай, облегчись". сказала Дебора.

"Что? Прямо здесь? Прямо сейчас?" спросил Шон, наконец-то подняв голову, с шокированным выражением на лице.

"Конечно, почему бы и нет?"

"Ну, я подумал, что мастурбация - это что-то вроде... ну, знаешь... личного дела". Шон сказал: "Не то, что ты делаешь на глазах у кого-то еще. Особенно не перед моим терапевтом!"

"Шон, тебе неудобно и больно". Дебора сказала: "Я не хочу, чтобы ты чувствовал, что должен что-то скрывать от меня".

"Но это..."

"Просто еще одна форма снятия стресса". Дебора сказала: "Все это делают, хотя не все в этом признаются. Черт, я делаю это. Твоя мать делает это, твои друзья делают это, доктора, адвокаты, полицейские, пожарные, парень, который работает в бургерной на соседней улице, Джейк из State Farm".

Шон немного посмеялся над последним примером, но он должен был признать, что она права. Он все равно собирался сбежать в ванную, когда закончится сеанс, и вытереть один, пока Дебора и его мать занимались своим сеансом. К тому же, он чувствовал, что его член вот-вот прорвет трусы и джинсы.

"Черт, они писали об этом песни. Самая популярная называлась "Я трогаю себя".

К черту, если она не возражала, то и он не возражал. Он и сам несколько раз фантазировал о Деборе, когда мастурбировал, так почему бы и нет? Он выбросил пустую бутылку в мусорное ведро, устроился поудобнее на диване и бросил последний взгляд на Дебору. Она улыбнулась ему и кивнула.

Он расстегнул ремень, расстегнул пуговицы и молнию на джинсах. Глубоко вздохнув, он приподнял бедра, спустил джинсы и трусы, и взору предстал его член.

Глаза Деборы расширились. Она не знала, чего ожидала, когда поощряла Шона мастурбировать перед ней, но она не ожидала, что его член будет таким большим! Если бы ей пришлось угадать, она бы предположила, что его длина составляет 7-8 дюймов, а диаметр - около двух дюймов. Она почувствовала покалывание в своей киске и небрежно скрестила ноги, решив, что позже ей, возможно, придется самой потереться об него.

Шон взял свой член, закрыл глаза и начал медленно поглаживать себя.

"Расскажи мне о своей фантазии о сексе с матерью", - тихо сказала она.

Шон рассказал, как начиналось большинство его фантазий: "Я наблюдаю за мамой, она только что вышла из душа, стягивает с себя полотенце, и я вижу каждый сантиметр ее тела. Она вытирается, смотрит на себя в зеркало. Я наблюдаю, как покачиваются ее сиськи, когда она

двигается, я понимаю, какая у нее отличная задница, когда она наклоняется, чтобы вытереть ноги. Теперь она уже вытерлась и любуется собой в зеркале, улыбаясь. Я раздеваюсь, наблюдая за ней, и мой член уже твердый. Я начинаю поглаживать себя, пока она ложится на кровать и начинает играть с собой. Я захожу в комнату, и она не выглядит удивленной или расстроенной тем, что я только что вошел к ней, или тем, что я голый и открыто мастурбирую".

Дебора теперь обнаружила, что это она сама себя настраивает, она немного ерзала на своем сиденье, расцепляла и вновь скрещивала ноги, борясь с желанием задрать юбку и погрузить пальцы в свою покалывающую киску. Она не была уверена, что ожидала, что произойдет, когда она поощряла Шона мастурбировать и рассказывать ей свои фантазии о его матери, но она не ожидала, что сама будет так возбуждена.

"Она приглашает меня подойти ближе и садится. Она смотрит на мой член, берет его в руки и улыбается мне. "Это для меня?" - спрашивает она, я улыбаюсь и киваю. Она говорит: "Спасибо, малыш" и берет мой член в рот".

Шон был полностью погружен в фантазии, почти забыв, что открыто мастурбирует перед своим терапевтом, используя термины, которые он использовал только в своих фантазиях и с друзьями.

"Она начинает сосать мой член, и это лучшее ощущение в мире".

"Вы когда-нибудь... испытывали такое раньше?" спросила Дебора, расстегивая пару первых пуговиц на своей блузке.

"Нет, пока нет, - сказал Шон, - у меня был секс только с двумя девушками, и ни одна из них не хотела опуститься на меня. Они просто хотели трахаться".

"Продолжай", - сказала Дебора, расстегивая еще одну пуговицу и обмахивая себя веером.

"Она все еще сосет мой член, а я тянусь вниз и нежно сжимаю одну из ее сисек. Она поднимает на меня глаза, и я вижу, что ей нравится то, что я делаю, но она не останавливается. На самом деле она начинает двигаться быстрее, и я кладу руку ей на голову и контролирую темп, заставляя ее двигаться еще быстрее, пока не чувствую, что сейчас кончу".

Рука Шона двигалась быстрее, а затем замедлялась, так как он контролировал темп своей мастурбации, чтобы соответствовать тому, что происходило в его голове.

Она спрашивает меня, хочу ли я ее трахнуть, и я, конечно, отвечаю "да". Она поднимается на кровать, открывает мне свои объятия и говорит: "Иди сюда и трахни мамочку". Я заползаю на кровать и сажусь на маму, вводя свой член в ее мокрую киску. Она ждала этого. Она хочет этого так же сильно, как и я. Я смотрю ей в глаза, когда захожу до конца. Она говорит: "Я так люблю тебя, детка", а я отвечаю: "Я тоже тебя люблю, мама". Она говорит: "А теперь трахни меня, покажи, как сильно ты меня любишь!". Так что именно это я и делаю. Я начинаю трахать

ее..."

Дебора расстегнула еще одну пуговицу на блузке, и наряду с щедрым декольте стали видны края лифчика. Она нежно провела пальцем по обнаженной плоти, ее дыхание участилось по мере того, как она все больше возбуждалась, думая о том, что она развязала, но не желая остановить это.

Рука Шона увеличила скорость на его члене, так как его фантазия продолжала разыгрываться.

"Иногда в этот момент все меняется. Иногда я вытаскиваю и кончаю ей на сиськи и лицо, а потом возвращаюсь к траханью, потому что в своих фантазиях я могу кончать снова и снова. Иногда я закидываю ее ноги себе на плечи, чтобы трахать ее еще глубже и кончать внутрь нее. Иногда мы меняем позиции, как сейчас. Она встает на руки и колени, чтобы я мог трахать ее сзади. По-догги-стайл. Я вставляю член обратно в нее, хватаю ее за бедра и начинаю вколачивать в нее свой член".

<http://erolate.com/book/1821/52169>